

УДК 343.2
ББК 67.408.0

DOI 10.25724/VAMVD.CTUV

О. В. Артюшина

УГОЛОВНЫЙ ПРОСТУПОК В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИИ УГОЛОВНОЙ РЕПРЕССИИ

Статья посвящена проблеме излишней криминализации в Уголовном кодексе Российской Федерации, которая становится очевидной на нынешнем этапе развития государства и права. В качестве способов ее решения рассматриваются: полная декриминализация с переводом деяний в административные правонарушения, частичная декриминализация с использованием приема административной преюдиции, а также введение уголовного проступка в уголовное законодательство. Оценивая их эффективность и возможности применения с учетом современной реальности, автор приходит к выводу о том, что введение уголовного проступка является наиболее перспективным средством. При этом определяются ключевые вопросы, объективно требующие дальнейшей научной разработки для реализации законопроекта, утвержденного постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона „О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка“» от 31 октября 2017 г. № 42.

Ключевые слова: гуманизация, репрессивность закона, административная преюдиция, категории преступления, общественная опасность, дифференциация уголовной ответственности.

O. V. Artushina

CRIMINAL OFFENSE AT THE CONTEXT OF ECONOMY OF CRIMINAL REPRESSION

The article is devoted to the problem of excessive criminalization in the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Criminal Code of the Russian Federation), which becomes evident at the present stage of development of the state and law. As solutions to redundancy, the following are considered: full decriminalization with the transfer of acts to administrative offenses, partial decriminalization using administrative admonition, and the introduction of a criminal offense in criminal law. Evaluating their effectiveness and application possibilities taking into account modern reality, the author comes to the conclusion that the introduction of a criminal offense is the most promising means. At the same time, key issues are identified that objectively require further scientific development for the implementation of the draft law approved by the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation "On Making an Application to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation the draft federal law "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with the introduction of the notion of a criminal offense"" of October 31, 2017 No. 42.

Key words: humanization, repressive nature of the law, administrative prejudice, categories of crime, public danger, differentiation of criminal liability.

Основное направление естественного развития уголовного права — постепенная дефляция (понижение) уголовной репрессии, объективно обусловленное повышением эффективности удовлетворения базовых потребностей человека в результате общественного (промышленного, технического и т. д.) развития [1].

Уголовная политика Российской Федерации развивается в сторону гуманизации (смягчения ответственности) и либерализации. При этом целями реформирования законодательства выступают уменьшение репрессивного потенциала уголовного закона, в частности создание условий для снижения числа лиц,

привлеченных к уголовной ответственности вообще и отбывающих наказание в виде лишения свободы в частности, экономия ресурсов и основанная на этом оптимизация практической деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений.

Наиболее яркими примерами гуманизации являются: частичная декриминализация побоев, хищений, причинения имущественного вреда путем обмана или злоупотребления доверием; смягчение ответственности за мелкий коммерческий подкуп и мелкое взяточничество; включение неоднократности в состав неуплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей

и т. д., а также частичная декриминализация преступлений в области экономической деятельности путем выведения из сферы уголовного законодательства целого пласта преступлений, ущерб, доход либо задолженность от совершения которых составляет 1 500 — 2 250 000 руб.

Примерами либерализации, т. е. обновления закона, внедрения новых приемов, техник, выступают предоставление суду права менять категорию преступления на менее тяжкую (ч. 6 ст. 15 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ)); использование административной преюдиции при конструировании составов преступлений (ст. 116.1, 157, 158.1 УК РФ и т. д.); введение принципиально новых оснований освобождения от уголовной ответственности (ст. 76.1, 76.2 УК РФ). Данные процессы обусловлены общемировым кризисом уголовного наказания, диктующим необходимость поиска новых идей, подходов к уголовно-правовому реагированию, оснований освобождения от уголовной ответственности, способов позитивного уголовно-правового воздействия. Не случайно в литературе указывается, что репрессивная функция уголовного права теряет свое былое первостепенное значение. Например, Ф. Р. Сундуров по этому поводу пишет: к XXI в. становится ясно, что возможности уголовного наказания в плане позитивного воздействия на лиц, совершающих преступления, а тем более нейтрализации причин и условий преступности, ограничены. Кроме того, чрезмерная строгость, необоснованно широкое его применение приводят к еще большему отчуждению осужденных от общества, рекрутированию в ряды рецидивистов лиц, которых можно было остановить иными средствами социального воздействия [2, с. 4].

Я. И. Гилинский отмечает, что со второй половины XX в. в большинстве цивилизованных стран осознается «кризис наказания». В мире после Второй мировой войны наблюдается рост преступности. Человечество перепробовало все возможные виды уголовной репрессии без видимых результатов. Осознание неэффективности традиционных средств контроля над преступностью приводит к поискам альтернативных решений как стратегического, так и тактического характера [3, с. 313—314]. Если раньше, со времени вступления в силу действующего УК РФ, по мнению А. В. Наумова, самой трудной проблемой отечественного правосудия особенно пенитенциарных учреждений была их перенаполняемость [4], то сейчас, на наш взгляд, на это место претендует избыточная репрессивность УК РФ. Так, Н. А. Лопашенко указывает, что «действующее уголовное законодательство, к сожалению, про необходимую и

достаточную меру репрессии давно забыло, перейдя черту нормы», имея в виду в том числе «чрезвычайную закриминализованность (кажется, что преступным объявлено все, что можно и что нельзя)» [5].

Г. А. Есаков, Р. О. Долотов, М. А. Филатова, М. А. Редчиц, П. П. Степанов и К. А. Цай, определяя дорожную карту уголовной политики в России на 2017—2025 гг., пишут, что чрезмерная криминализация является одним из основных вызовов, стоящим сегодня перед уголовным законодательством [6, с. 25].

Для решения проблемы избыточной криминализации, как рассуждала еще Н. Ф. Кузнецова [7, с. 36], могут быть использованы следующие способы:

- 1) фактическая (полная или частичная) декриминализация;
- 2) частичная декриминализация с использованием административной преюдиции (по причине спорности этот прием заслуживает отдельного рассмотрения);
- 3) введение уголовного проступка.

При этом институт освобождения от уголовной ответственности, в частности судебный штраф, на наш взгляд, здесь рассматриваться не может, поскольку он не направлен на безусловное исключение деяния из числа влекущих судимость.

Безусловно, фактическая декриминализация с одновременным переводом деяний в Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации (далее — КоАП РФ) наиболее предпочтительна. Это самое логичное, простое и эффективное средство решения проблемы избыточной криминализации. Оно объективно не ставит вопросов о смещении отраслей права, не вызывает резкой критики научного сообщества. С юридической точки зрения следует признать, что среди прочих решений оно оказывает самое сильное гуманизирующее влияние, так как в полной мере исключает из текста УК РФ запрет. Со стороны гражданской позиции, конечно, спокойнее в том государстве, где лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности за преступления, не представляющие большой (достаточной?) общественной опасности. Но будем реалистами. Полагаем, что данный путь не воспримет законодательная власть (настолько обширно, насколько это требуется). Исходя из соображений внутренней политики, чем больше запретов, тем более зависимым, управляемым становится население («каждый второй» оказывается в чем-либо виновен). В таких условиях, казалось бы, более реальным способом является использование административной преюдиции для декриминализации (не всех случаев совершения деяния, а только первичного). Вместе с тем ясно, что это своего рода полумера, полной

декриминализации она не предполагает и эффективность ее в решении проблемы избыточности ниже. На наш взгляд, утверждения о том, что указанный прием законодательной техники не имеет научного фундамента и житейского подтверждения, спорны. Так, Н. А. Лопашенко пишет, что повторение правонарушения в очередной раз не может родить другого его качества [5]. Тем не менее известен философский закон (философия — мать всех наук): количество переходит в качество. В противовес народной мудрости (заболевание второй раз простудой еще не означает воспаления легких и др.) можно вспомнить, что исторически в системе воспитания детей усиление ответственности применялось как раз за повторяемость: слушание родительского слова первый раз влекло строгий разговор, второй — пощечину, третий — отлучение от дома, отказ от родительского благословения. Другой пример знает каждый из нас: первое и второе опоздание имеет разную качественную оценку (первое вызывает вежливую улыбку, второе фактически исключает дальнейшие деловые отношения). В то же время следует согласиться с тем, что техническое оформление административной преюдиции требует совершенствования и упорядочения во всех соответствующих уголовно-правовых нормах [8]. При этом считаем, что частичная декриминализация с преюдицией не может быть использована в массе норм. Представляется, что она по своему предназначению является как бы исключительной мерой и должна встречаться в УК РФ редко. В данных условиях и только потому, что первые два способа оказываются практически невозможными для решения проблемы избыточности в российской действительности, нужно внимательнее отнестись к введению уголовного проступка в целях экономии мер уголовной репрессии. В доктрине уголовного права этот вопрос у большинства специалистов заслуживает поддержку. Те или иные положительные стороны такого решения отмечают, например, А. Г. Безверховым [9], И. Э. Звечаровским [10], Н. А. Лопашенко [5], А. В. Наумовым [4], Е. В. Роговой [11], Ф. Р. Сундуоровым [12].

Встречается и противоположное мнение. В частности, А. И. Коробеев и А. А. Ширшов отмечают, что все имеющиеся псевдопреступления «необходимо перевести в разряд административных проступков или даже гражданско-правовых деликтов». При таком решении проблемы, пишут они, просто не понадобится «огород городить», искусственно создавая гомункула под названием «уголовный проступок» ...» [13].

Л. Л. Кругликов и В. Ф. Лапшин полагают, что включение в состав действующего российского

уголовного закона категории «уголовный проступок» вряд ли оправдано. Проблемы, которые поднимаются на уровне руководства Верховного Суда Российской Федерации, утверждают они, можно решить путем исключения из уголовного закона большинства норм, предусматривающих ответственность за преступления небольшой и средней тяжести, с их одновременным переводом в административное законодательство [14].

Сомнения и отрицание уголовного проступка в нашем случае были развеяны содержанием законопроекта, утвержденного постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка» от 31 октября 2017 г. № 42 [15]. Его анализ позволяет признать, что он направлен на гуманизацию, и это в целом заслуживает поддержки. Можно согласиться с тем, что введение уголовного проступка пойдет на пользу уголовной политике и практике противодействия преступности, поскольку прежде всего снизится репрессивность уголовно-правового реагирования на «мелкую преступность», получит новое качественное наполнение законодательная дифференциация уголовной ответственности, продолжится развитие мер компромиссного (позитивного) уголовно-правового воздействия [16].

Известно, что категория «уголовный проступок» для отечественного уголовного законодательства не нова. Она использовалась в Уголовном уложении 1903 г. [12, с. 227—228]. Вопрос о введении уголовного проступка поднимался и в советский период [16]. Далее возврат к нему как к одному из элементов выстраивания трехчленной градации публичных правонарушений на преступления, уголовные проступки и административные правонарушения предполагался в Концепции судебной реформы начала 1990-х гг. Однако это так и не было реализовано при принятии УК РФ [6, с. 35].

В отличие от подхода, связанного с созданием отдельной отрасли права и формированием кодекса уголовных проступков, встречающегося сегодня в литературе [6, с. 39—40], в указанном законопроекте продемонстрирован принципиально иной подход к определению правовой природы уголовного проступка. В нем по образцу европейской модели (Германии, Австрии и т. д.) проступок выделен наряду с преступлением в общем для них понятии преступного деяния. По нашему мнению, такое определение уголовного проступка наиболее приемлемо. Как верно подмечено И. Э. Звечаровским, это изначально указывает на его отраслевую принадлежность — уголовное законодательство [10].

Кроме того, отнесение проступков к области уголовного закона полностью снимает вопросы, касающиеся обоснования новой отрасли права — разработки кодекса уголовных проступков и механизмов его процессуального осуществления. Не случайно, например, сторонники создания «права уголовных проступков» и «смежного» законодательства отмечают существенный минус кодекса уголовных проступков: разрушение Особенной части действующего УК РФ за счет «вырывания» из текста весомой доли преступлений и их «механического» переноса в кодекс уголовных проступков [6, с. 40]. Полагаем, что к минусам следовало бы добавить в первую очередь перелом всей системы отечественного права, создание в нем его искусственного, пограничного вида, не апробированного практикой, а значит, влекущего неизбежные проблемы правоприменения, направленного не на оптимизацию, а на усложнение процесса. Это отмечают и практикующие специалисты, сотрудники прокуратуры и иных правоохранительных органов. Так, с точки зрения Ю.А. Тимошенко, сложности коснутся процессуальных вопросов (определения порядка по уголовным делам), квалификации противоправных деяний (при нескольких деяниях разной юридической природы вменить совокупность преступлений не получится) и т. д. [16]. При этом, на наш взгляд, в исследуемом законопроекте недостаточно ясно обозначены правовые последствия уголовного проступка. Он все-таки должен исключать судимость. Иначе в чем смысл его введения? При оценке уголовной политики по противодействию преступлениям, не представляющим значительной общественной опасности, главное, что «режет глаза» — это чрезмерная постпенитенциарная репрессивность, связанная с судимостью. Если возможность применения наказания к лицу, виновному в подобном деянии, в целом не вызывает отторжения, то судимость здесь является очевидно необоснованной. В условиях неработающей ресоциализации осужденных она способствует маргинализации таких лиц, создает предпосылки для дальнейшего совершения ими новых, уже более серьезных преступлений, приносит обществу больше вреда, чем пользы, тем самым приводит к выводу о необходимости соблюдения принципа экономии уголовной репрессии. Верно отмечает А. Г. Кибальник: всем известно, что когда-то имевшаяся судимость (своя или родственника) вопреки ч. 6 ст. 86 УК РФ становится, например, препятствием для трудоустройства на определенное должности и в принципе является пожизненным клеймом для человека, совершившего незначительное преступное деяние [16]. В связи с этим, на наш взгляд, введение уголовного проступка в систему дифференциации уголовной ответственности за преступные деяния имеет значение только в том случае, если в тексте

уголовного закона будет закреплено, что совершение такого проступка судимости не влечет.

Дальнейшей научной проработки требует следующий вопрос. В законопроекте к объему понятия «уголовный проступок» отнесена часть преступлений небольшой тяжести. Представители академической науки и практические работники рассматривают возможность отнесения к данной категории и некоторых преступлений средней тяжести. Так, Н. А. Лопашенко обозначает проблему определения механизма формирования круга уголовных проступков, в том числе ставит вопрос о том, «все ли преступления небольшой тяжести должны в него войти, нужны ли в нем преступления средней тяжести и какие» [5].

И. Э. Звечаровский предлагает внести в ч. 6 ст. 15 УК РФ положение о возможности перевода в разряд уголовных проступков преступлений средней тяжести, совершенных в первый раз [10]. Ю. А. Тимошенко по этому поводу пишет, что критерии категоризации преступлений не идеальны. С момента введения в действие УК РФ санкции подвергались многочисленным изменениям, которые часто носили «шаблонный» характер, устанавливались верхние и нижние границы без учета практики их применения и криминологической обоснованности. В результате многие нормы, предусматривающие наказания за преступления, не отражают их реального характера и степени общественной опасности. В связи с этим, заключает Ю. А. Тимошенко, ведение в уголовное законодательство уголовных проступков просто путем отнесения к ним преступлений небольшой и средней тяжести вряд ли будет верным, необходимы взвешенный подход, оценка каждого отдельно взятого преступления на предмет возможности отнесения его к проступкам [17].

Ясно, что определение категории преступления осуществляется главным образом по санкции (в конечном итоге общественная опасность преступления выражается именно в наказании). Однако этот фрагмент текста Особенной части УК РФ не совершенен, отнесение деяний к той или иной категории с учетом современного переосмысления его общественной опасности тем более спорно. Получается, что, для того чтобы сегодня определить круг деяний, относимых к категории уголовных проступков, необходимо проверять справедливость всех санкций, соотношение пределов наказания во всех нормах Особенной части УК РФ, т. е. прорабатывать более 200 норм — значительную часть кодекса. С учетом того что санкции в уголовном праве — «непаханное поле» (по образному выражению Т. В. Кленовой*), это наиболее уязвимое место в концепции уголовного проступка.

Таким образом, исходя из изложенного можно сделать следующие обобщения.

1. Будущее уголовного права видится в сужении круга деяний, признаваемых на современном этапе преступными. Решение проблемы избыточной криминализации — насущный вопрос развития уголовно-правовой политики России. Велика практическая важность такой экономии уголовной репрессии, главной целью которой является снижение криминализации общества путем сокращения взрослого населения страны, ежегодно «проходящего» через «пресс» уголовной ответственности.

2. В решении проблемы избыточной криминализации УК РФ наиболее обоснованным выглядит фактическая декриминализация с переводом ряда преступлений в КоАП РФ. Однако известно, что эта мера не воспринимается законодателем в течение многих лет.

Использование для частичной декриминализации административной преюдиции при конструировании уголовно-правовых норм не может рассматриваться как возможное решение, поскольку данный прием юридической техники задуман для редких случаев как исключение из общего правила.

По сравнению с предыдущими мерами уголовный проступок имеет ряд плюсов:

1) в отличие от фактической декриминализации введение уголовного проступка позволит достичь снижения репрессивности уголовного закона без «вывода» противоправных деяний из сферы

уголовного законодательства. Так, совершение уголовного проступка не повлечет для виновного судимости и лишений, связанных с ней, поэтому окажет максимальное гуманизирующее влияние. В то же время сам факт наличия уголовно-правового запрета останется неизменным, следовательно, это решение наиболее приемлемо для государственного управления;

2) в отличие от административной преюдиции данная мера может быть применена настолько широко, насколько это объективно требуется. Категория уголовного проступка способна вместить в себя весь необходимый объем тех преступных деяний, которые, как становится ясно в настоящее время, не представляют значимой общественной опасности.

3. Для определения круга деяний, которые могут быть отнесены к категории уголовного проступка, анализа характера и степени общественной опасности неизбежно потребуются опора на виды и размеры наказания, предусмотренные за совершение конкретных преступлений. Санкции — это большая и пока еще слабо разработанная часть УК РФ. Отсюда возникает вопрос: может, лучше не продолжать работать над УК РФ «в лоскутной технике», а системно обновлять концепцию уголовного закона?

Примечание

* Выступление на V Международной научно-практической конференции, состоявшейся 11 мая 2018 г. в Волгоградской академии МВД России.

1. Бибик О. Н. Инфляция и дефляция уголовной репрессии // Российский юридический журнал. 2017. № 3. С. 63—72.

2. Сундуrow Ф. Р. Наказание и альтернативные меры в уголовном праве. Казань, 2005. 298 с.

3. Гилинский Я. И. Девиантность, преступность, социальный контроль. Избранные статьи. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 322 с.

4. Наумов А. В. Уголовный проступок как преступление небольшой тяжести // Уголовное право. 2017. № 4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Лопашенко Н. А. Снижение репрессивности уголовного закона: предлагаемые меры и их оценка // Уголовное право. 2017. № 4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Уголовная политика: дорожная карта (2017—2025 гг.) / Г. А. Есаков [и др.]. М.: Центр стратегических разработок, 2017. 76 с.

7. Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. и предисл. В. Н. Кудрявцева. М.: Городец, 2007. 336 с.

8. Артюшина О. В., Толстая М.-В. Е. Исключительная административная преюдиция в уголовном законодательстве России // Преступность в СНГ: проблемы предупреждения и раскрытия преступлений: сб. трудов междунар. науч.-практ. конф. (Воронеж, 20 мая 2015 г.). Воронеж: Воронежский ин-т МВД России. 2015. С. 121—122.

9. Безверхов А. Г., Денисова А. В. О становлении уголовного проступка в системе российского уголовного права // Уголовное право. 2017. № 4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Звечаровский И. Э. Категория «уголовный проступок» в контексте либерализации уголовной политики России // Уголовное право. 2017. № 4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Рогова Е. В. Учение о дифференциации уголовной ответственности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2014. 55 с.

12. Сундуrow Ф. Р. Категории преступлений: вопросы законодательной регламентации и дифференциации уголовной ответственности // Ученые записки Казанского университета. Том 155. Кн. 4. Гуманитарные науки. 2013. С. 227—231.

1. Bibik O. N. Inflation and Deflation of Criminal Repression // Russian Juridical Journal. 2017. No 3. P. 63—72.

2. Sundurov F. R. Punishment and alternative measures in the criminal law. Kazan, 2005. 298 p.

3. Gilinsky Ya. I. Deviance, crime, social control. Selected articles. St. Petersburg: Juridical Center Press, 2004. 322 p.

4. Naumov A. V. Criminal offense as a crime of small gravity // Criminal law. 2017. No 4. Access from the legal system "ConsultantPlus".

5. Lopashenko N. A. Reducing the repressiveness of criminal law: the proposed measures and their evaluation // Criminal law. 2017. No 4. Access from the legal system "ConsultantPlus".

6. Criminal policy: road map (2017—2025) / G. A. Esakov [and others]. Moscow: Center for Strategic Research, 2017. 76 p.

7. Kuznetsova N. F. Problems of qualification of crimes: lectures on the special course "Fundamentals of the qualification of crimes" / scientific. ed. by V. N. Kudryavtseva. Moscow: Gorodets, 2007. 336 p.

8. Artyushina O. V., Tolstaya M.-V. E. Exclusive administrative prejudice in the criminal law of Russia // Criminality in the CIS: problems of prevention and detection of crimes: coll. works of the international. scientific-practical conference (Voronezh, May 20, 2015). Voronezh: Voronezh Institute of the Interior Ministry of Russia. 2015. P. 121—122.

9. Bezverkhov A. G., Denisova A. V. About the formation of a criminal offense in the system of Russian criminal law // Criminal law. 2017. No 4. Access from the legal system "ConsultantPlus".

10. Zvecharovsky I. E. Category "criminal offense" in the context of liberalization of the criminal policy of Russia // Criminal law. 2017. No 4. Access from the legal system "ConsultantPlus".

11. Rogova E. V. The doctrine of the differentiation of criminal responsibility: the author's abstract. dis. ... dr. jurid. sciences. Moscow, 2014. 55 p.

12. Sundurov F. R. Categories of crimes: issues of legislative regulation and differentiation of criminal responsibility // Uchenye zapiski Kazanskogo Universiteta. Vol. 155. Book 4. Humanistic sciences. 2013. P. 227—231.

13. Korobeev A. I., Shirshov A. A. Criminal offense through the prism of the institution of administrative prejudice: good or evil? // Criminal law. 2017. No 4. Access from the legal system "ConsultantPlus".

14. Kruglikov L. L., Lapshin V. F. On the consequences of the inclusion of the category

13. Коробеев А. И., Ширшов А. А. Уголовный проступок сквозь призму института административной преюдиции: благо или зло? // Уголовное право. 2017. № 4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Кругликов Л. Л., Лапшин В. Ф. О последствиях включения категории «уголовный проступок» в российский уголовный закон // Уголовное право. 2017. № 4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

15. О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка»: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 2017 г. № 42 // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: <http://www.supcourt.ru> (дата обращения: 11.05.2018).

16. Кибальник А. Г. Уголовный проступок и его правовые последствия // Уголовное право. 2017. № 4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

17. Тимошенко Ю. А. Уголовный проступок: способ межотраслевого сближения или дифференциации уголовной ответственности? // Уголовное право. 2017. № 4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

"criminal offense" in the Russian criminal law // Criminal law. 2017. No 4. Access from the legal system "ConsultantPlus".

15. On the introduction of the draft federal law "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with the introduction of the notion of a criminal offense" to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation: the formation of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of October 31 2017 No 42 // The official website of the Supreme Court of the Russian Federation. URL: <http://www.supcourt.ru/> (reference date: 11/05/2018).

16. Kibalnik A. G. Criminal offense and its legal consequences // Criminal law. 2017. No 4. Access from the legal system "ConsultantPlus".

17. Tymoshenko Yu. A. Criminal offense: a way of intersectoral rapprochement or differentiation of criminal responsibility? // Criminal law. 2017. No 4. Access from the legal system "Consult-PlusPlus".

© Artushina O. V., 2018

© Артюшина О. В., 2018